

Нет автора

Русская старина

1895. 4_6

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русская старина: 1895. 4_6 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 649 с.

ISBN 978-5-458-02835-6

ISBN 978-5-458-02835-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

галерея вспыхнула бы, какъ щепка; но она была соединена особю аллею съ домомъ, такъ что по этой аллеѣ огонь мгновенно перешелъ бы на всѣ жилища строенія. вмѣстѣ съ тѣмъ я видѣлъ, что до воспламененія щита остается одна секунда и что требовать лѣстницъ для снятія и отдѣленія его отъ галереи—значило бы обречь все неминуемой гибели. Само собою разумѣется, что всѣ эти мысли мгновенно мелькнули въ моей головѣ, и я, не столько по расчету, сколько въ припадкѣ отчаянія, бросился въ галерею, сдѣлалъ страшный прыжокъ вверхъ, какого, быть можетъ, ни одинъ балетный солистъ не дѣлалъ, схватилъ щитъ и сорвалъ его на полъ, несмотря на то, что онъ укрѣпленъ былъ гвоздями и веревками. На низринутаго врага бросилась толпа слугъ и гостей, сволокла его на траву и потушила. Мѣсто на полу, на которомъ онъ оставилъ значительные слѣды, мгновенно было вычищено и заправлено, и балъ закипѣлъ съ новою силою.

Я былъ вдвойнѣ счастливъ, сознавая, что отвратилъ не только напасть, грозившую моему празднику, но и сильнѣйшую опасность для всего отцовскаго дома, и въ то же время явилъ торжественно опытъ моей находчивости, ловкости и силы, опытъ, вызвавшій общія похвалы и удивленіе.

Балъ заключился ужиномъ, расположеннымъ въ той же галереѣ. Вино, разумѣется, лилось рѣкою. Туземный поварь, вѣроятно, тоже хотѣлъ отличиться и подаль такое пирожное, какого я ни прежде, ни послѣ не видывалъ: какой-то замокъ съ башнями, въ которомъ всѣ окна были тоже иллюминированы. При ближайшемъ разсмотрѣніи штука оказывалась простою: надѣлавъ въ этомъ зданіи множество дырокъ, въ видѣ окошекъ, онъ ухитрился поставить внутрь зажженную свѣчу, свѣтъ которой, пробиваясь въ эти дырки, производилъ замѣчательный эффектъ. Солнце уже всходило, когда наши гости начали развѣжаться.

Но это была внутренняя сторона моего праздника. Была, такъ сказать, сторона внѣшняя. Съ наступленіемъ сумерекъ, мимо нашего сада начали шмыгать различные экипажи, наполненные городскими жителями. Число этихъ экипажей постоянно увеличивалось. Наступившая ночь прекратила возможность наблюдать степень прогрессивнаго ихъ умноженія; но во время бала многіе изъ

участвующихъ въ немъ дѣлами ближайшія въ этомъ отношеніи изслѣдованія и утверждали, что экипажи всего города окружали нашъ садъ. Такъ какъ входъ въ садъ, особенно подъ прикрытіемъ ночи, не былъ затруднителенъ, то во время бала всѣ аллеи кишѣли, такъ сказать, народомъ. Ясно было, что владѣльцы экипажей хотѣли ближе разсмотрѣть всѣ подробности праздника. Однимъ словомъ, планъ мой удался и осуществился самымъ блистательнымъ образомъ и сосредоточилъ на себѣ общее вниманіе Саратова. Можно думать, что саратовскіе жители и теперь помнятъ мой праздникъ. Отецъ мой былъ просто въ восхищеніи; его тихая, уединенная жизнь радостно была взволнована и нашимъ прибытіемъ, и нашимъ праздникомъ. Значительно самолюбивый, онъ съ наслажденіемъ видѣлъ, что онъ самъ, его петербургскіе гости, его садъ—сдѣлались предметомъ толковъ всей саратовской публики.

Протившись съ отцомъ, я не думалъ, что этому свиданію нашему въ этой жизни суждено быть послѣднимъ. Но по страшной тоскѣ, обильнымъ слезамъ, съ которыми отецъ провожалъ меня, можно было заключить, что его сердце, лучше моего, предчувствовало эту вѣчную разлуку. Какъ бы то ни было, осенью того же 1851 года, я возвратился въ Петербургъ и снова уцѣпился за князя Владиміра Бяратинскаго и Буткова. Скоро, однакоже, оказалось, что Бутковъ, при всемъ его стараніи, ничего не могъ сдѣлать. На мою бѣду, въ это время только-что послѣдовало знаменитое сокращеніе штатовъ по всѣмъ вѣдомствамъ, такъ что министры и главные начальники не знали, какъ управиться съ старыми чиновниками, изъ которыхъ нѣкоторые неминуемо должны были остаться за штатомъ; тѣмъ менѣе они имѣли расположеніе и возможность брать людей со стороны. Въ видѣ послѣдняго, отчаяннаго средства, я направилъ князя Владиміра, по-прежнему неутомимаго и по-прежнему готоваго летѣть всюду, куда я укажу, на графа Александра Адлерберга, хотя самъ не зналъ, что изъ этого выйдетъ, и вообще не ожидалъ ничего хорошаго.

Но предварительно я долженъ сдѣлать довольно большое отступленіе, чтѣ, конечно, не будетъ ни странно, ни ново для моего читателя (если таковой когда-нибудь найдется) по непрерывнымъ отступленіямъ, которыми испещренъ мой не хитрый, но правдивый

разсказъ. Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ, что я сложилъ съ себя дѣла Барятинскихъ, я былъ положительно осаждаемъ различными предложеніями частныхъ занятій. Я сказалъ уже, что никакія частныя занятія не входили въ мои разсчеты, и потому подобныя предложенія не могли доставить мнѣ ничего пріятнаго. Но отъ двухъ подобныхъ предложеній я не могъ отказаться и нахожу небезынтереснымъ привести ихъ здѣсь въ связи съ послѣдствіями.

Въ составѣ труппы французскаго театра былъ актеръ Курси. Впослѣдствіи, при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ, я убѣдился, что Курси былъ французскій жидъ. Небольшаго роста, онъ былъ довольно красивъ и имѣлъ большіе, прекрасные глаза. Таланта у него не было никакого, и потому, при какой-то реформѣ въ администраціи Михайловскаго театра, онъ былъ исключенъ изъ труппы. Но, кажется, еще прежде исключенія, онъ женился самымъ романтическимъ образомъ, и приключенія, сопровождавшія эту женитьбу, обратили на него вниманіе всего Петербурга. Еще при покойномъ великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ служилъ чѣмъ-то въ родѣ берейтора Гордъ, шведскій уроженецъ. Послѣ смерти великаго князя, Гордъ переселился въ Петербургъ и содержалъ здѣсь манежъ. У этого Горда было нѣсколько сыновей и дочерей. Старшая изъ нихъ, Анна, плѣнилась Курси, который формально сталъ сватать ее. Старикъ Гордъ, суровый и честный, и слышать не хотѣлъ. Странное и только свойственное чуткому родительскому сердцу опасеніе явилось у него. Онъ былъ убѣжденъ, что Курси беретъ его дочь для того только, чтобы торговать ею. Любовники устроили побѣгъ, но были пойманы. Гордъ сильно наказалъ непокорную дочь и заперъ ее на замокъ; но она снова ухитрилась бѣжать и на этотъ разъ обвинчалась съ своимъ возлюбленнымъ.

Когда Курси былъ исключенъ изъ театра, онъ пустилъ въ ходъ свои жидовскіе, промышленные, таланты. Ему пришла идея устроить въ Петербургѣ зимній садъ, подобный тѣмъ, какіе существуютъ во многихъ европейскихъ городахъ, на томъ мѣстѣ, которое расположено между Инженернымъ замкомъ, т. е. старымъ Павловскимъ дворцомъ и Фонтанкой. Я сказалъ уже, что графъ Михаилъ Вильгорскій былъ покровителемъ всевозможныхъ талантовъ. Курси великолѣпно игралъ на бильярдѣ и во имя этого единственнаго

таланта имѣлъ доступъ къ Віельгорскому. Онъ сообщилъ этому царедворцу идею о зимнемъ садѣ и просилъ какъ-нибудь заявить ее государю. На одномъ изъ царскихъ обѣдовъ, къ которымъ графъ Михаилъ Віельгорскій постоянно былъ приглашаемъ, онъ нашелъ случай довести объ этомъ предположеніи до свѣдѣнія государя, который, къ удивленію, не только его совершенно одобрилъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразилъ готовность отдать для сада мѣсто, на которое указывалъ Курси.

Какъ скоро одобреніе государя сдѣлалось извѣстнымъ вверху, мгновенно образовалась компанія или общество для осуществленія этого предпріятія. Я уже не помню всѣхъ личностей, которыя приняли на себя званіе учредителей. Помню только, что, кромѣ графа Михаила Віельгорскаго, тутъ были два графа Адлерберга, старшій и младшій, и князь Левъ Кочубей. Учредители эти собирались, толковали, но дѣло не шло на ладъ. Они убѣдились, наконецъ, что и дальше проку никакого не будетъ изъ ихъ толковъ, если они не приобрѣтутъ дѣловаго человѣка, который бы установилъ и направилъ это дѣло. Князь Левъ Кочубей, знакомый уже по многимъ опытамъ съ моею дѣловитостью, предложилъ меня, и я получилъ отъ имени всѣхъ учредителей приглашеніе принять участіе въ ихъ занятіяхъ. По многимъ отношеніямъ я считалъ неудобнымъ и невыгоднымъ уклониться отъ этого предложенія и взялъ дѣло въ свои руки, вмѣстѣ съ Курси, который страшно прилипъ ко мнѣ и надождалъ въ ужасающей степени. Тутъ-то я и позналъ его самого, его жену и всю обстановку обстоятельствъ, въ которыхъ онъ барахтался. Пошли засѣданія, соображенія, исчисленія. Работы было вообще порядочно. Я составилъ красивый проектъ устава. Архитекторъ Кавось составилъ еще болѣе красивые планы и чертежи всѣхъ подробностей зимняго сада. Устройство царскихъ ложъ, сколько помню, представляло невообразимое великолѣпіе и изящество. Казалось, дѣло шло отлично. Я часто прѣзжалъ къ старику графу Адлербергу, носившему званіе предсѣдателя компаніи, съ своими докладами, и успѣлъ заслужить доброе его вниманіе, которое видимо выражалось. Курси, которому по уставу предназначался значительный капиталъ въ вознагражденіе за мысль, и которому, въ то же время, полагалось ввѣрить управленіе этимъ но-

вымъ у насъ учрежденіемъ, съ значительнымъ содержаніемъ, просто ликоваль и, какъ французъ, высоко носъ поднялъ. Весь городъ, которому сдѣлалось извѣстнымъ наше предположеніе, сопровождалъ его живѣйшимъ сочувствіемъ. И дѣйствительно, если бы оно осуществилось, городъ имѣлъ бы вещь, если не очень полезную, то очень пріятную. По уставу тамъ должны были съ самаго утра гремѣть оркестры; тамъ должны были устраиваться постоянные балы, маскарады и всевозможные праздники. Но, увы! когда все было готово, мы сообщили нашъ уставъ со всѣми приложеніями на предварительное соглашеніе министру императорскаго двора. Старикъ князь Волконскій взглянулъ на нашу затѣю самымъ суровымъ образомъ и доложилъ государю, что если допустить устройство зимняго сада, въ такомъ случаѣ, императорскіе театры если не погибнуть, то страшно пострадаютъ. Государь не спорилъ, и мы получили отъ Волконскаго, высочайшимъ именемъ, рѣшительный отказъ въ утвержденіи нашего предпріятія.

Здѣсь нельзя не замѣтить, что предпріятіе возымѣло ходъ единственно потому, что оно получило, предварительно, живое одобреніе государя, а между тѣмъ, когда наступила минута окончательно и официально его утвердить — государь отказалъ въ этомъ. Если бы я видѣлъ только одинъ этотъ примѣръ такой непослѣдовательности, то отнесъ бы его чисто къ случайности, тѣмъ болѣе, что государь слылъ за человѣка твердаго и упornaго, что, между прочимъ, доказало и мое личное дѣло, о которомъ я выше рассказалъ. Но я долженъ сказать, что и другое предпріятіе, въ которомъ я принималъ участіе, и о которомъ буду говорить ниже, имѣло рѣшительно такое же начало и такой же конецъ. Это колебаніе я ничѣмъ другимъ не могу объяснить, какъ великою способностью покойнаго государя личныя свои воззрѣнія подчинять соображеніямъ, представляемымъ ему его государственными людьми. Такая черта въ такомъ замѣчательномъ государѣ могла бы годиться и не въ мои бѣдныя записки. Она показываетъ, что государь не всегда былъ деспотъ, какимъ принято его считать, особенно въ нынѣшнемъ обществѣ, такъ любящемъ щеголять всѣми родами и видами либерализма, и умѣлъ свои мнѣнія, свою волю подчинять пользамъ государства.

Какъ бы то ни было, всё учредители страшно переконфузились такимъ неожиданнымъ заключеніемъ, а Курси, которому предстояло такъ много блаженства, просто опѣшилъ и, какъ говорится, сѣлъ на бобахъ! Съ окончаніемъ дѣла о зимнемъ садѣ, казалось бы, и мои отношенія съ нимъ должны были прекратиться. Не тутъ-то было! Почти каждый день онъ приходилъ ко мнѣ съ какимъ-нибудь новымъ проектомъ: то онъ хотѣлъ покрыть Сѣнную площадь стеклянною крышею, то полагалъ устлать улицы чугунными плитами и т. п.; но всѣхъ безчисленныхъ его проектовъ не припомнишь и не перечтешь. Разбитый моею суровою критикою въ какомъ-нибудь одномъ предположеніи, онъ на другой день являлся съ новымъ и начиналъ словами:— «Наконецъ у меня есть такая мысль, противъ которой и вы ничего не найдете сказать». Затѣмъ начиналъ развивать эту мысль съ жаромъ и увлекательностью, свойственными однимъ только французамъ. Я слушалъ внимательно, и, когда онъ оканчивалъ свою оживленную рѣчь, я говорилъ:— «Хорошо, прекрасно! блестящая мысль; только мнѣ кажется...» Тутъ я начиналъ самымъ деликатнымъ образомъ высказывать свои скромныя замѣтки, которыя, конечно, разбивали въ прахъ эту блестящую мысль. Французъ быстро охладѣвалъ и, сознавая неотразимую силу моихъ замѣчаній, со вздохомъ говорилъ:— «Ваша правда!»

Такъ падали одинъ за другимъ его скороспѣлые проекты, доколѣ онъ не убѣдился, что на этомъ поприщѣ ему трудно обогатиться или по крайней мѣрѣ поправить свое положеніе, которое становилось день ото дня хуже и стѣсненнѣе. Тогда онъ обратился къ другой дорогѣ, которая многихъ выводила изъ затрудненій. Какъ бы осуществляя предчувствіе стараго Горда, онъ рѣшился сдѣлать жену свою орудіемъ пріобрѣтенія земныхъ благъ. Жена его была молода, свѣжа и на глаза многихъ—красавица. Я не раздѣлялъ этого послѣдняго мнѣнія. Въ ея красотѣ было что-то отталкивающее и полнѣйшее отсутствіе всякой симпатичности. Внѣшній видъ вполне соответствовалъ внутреннимъ ея свойствамъ; она была природы честной и доброй, но все это проявлялось въ какихъ-то угловатыхъ формахъ съ отсутствіемъ всякой женственности. Какъ бы то ни было, Курси началъ посылать ее безпрерывно къ старому графу

Адлербергу съ весьма нескрытымъ намѣреніемъ столкнуть съ позиціи увядающую Мину Ивановну и замѣнить ее своею женою.

Графъ, не равнодушный къ прекрасному полу, былъ дѣйствительно чрезвычайно ласковъ къ мадамъ Курси и не одинъ разъ спрашивалъ ей значительныя пособія у государя; но главная цѣль не была достигнута, и источникъ этотъ скоро изсякъ. Тогда Курси началъ направлять ее къ маскарадной атакѣ на самого государя, который такъ любилъ маскарады и при насъ не стѣснялся несколько давать ей самыя положительныя по этой части наставленія. Главнымъ пунктомъ, которымъ, по соображеніямъ Курси, могъ быть заинтересованъ и даже пораженъ государь, это — то, имѣя отцомъ шведа, а матерью польку, м-ше Курси могла отвѣчать государю, если бы онъ спросилъ: «кто она, русская?» «Нѣтъ». «Француженка?» «Нѣтъ». «Нѣмка?» «Нѣтъ». «Полька?» «Нѣтъ», и т. д. до безконечности. Курси былъ убѣжденъ, что эта штука непременно его вывезетъ, и пораженный государь пожелаетъ узнать: кто же это странное существо, а когда узнаетъ, столь же непременно устроитъ ея благополучіе, а кстати и благополучіе мужа.

Но затѣйливый этотъ проектъ также не осуществился, потому, что ловкой, блестящей маскарадной интриганки — Курси изъ своей жены сдѣлать не могъ, и она напрямикъ объявила ему, что пуститься въ такую опасную операцію она не умѣетъ и не хочетъ. Тогда Курси прибѣгнулъ къ болѣе упрощеннымъ средствамъ: онъ просто сталъ заманивать къ себѣ богатыхъ шалуновъ изъ аристократическаго міра, извѣстныхъ своими баснословными тратами на камелій разнаго сорта. Едва-ли не самымъ блестящимъ изъ этихъ мотовъ былъ въ то время одинъ изъ графовъ Канкриныхъ, Валеріанъ, совершенно противоположный своими расточительными свойствами и склонностями своему отцу, столь знаменитому экономическими дарованіями, которыхъ сдѣлали его изъ простаго бухгалтера или кассира купеческаго дома министромъ финансовъ. Эти свойства молодого Канкринна были особенно извѣстны Курси потому, что предъ тѣмъ только онъ разорялся на французскую актрису Эстеръ. Я самъ видѣлъ невообразимое богатство этой госпожи, когда за различные ея подвиги ей приказано было оставить Петербургъ и когда она устроила аукціонъ для продажи своего имуще-

ства. Она жила на Сергіевской улицѣ, гдѣ и я жилъ, и занимала одна каменный двухъ-этажный домъ. Весь городъ, съѣзжавшійся на ея аукціонъ, могъ видѣть великолѣпіе, въ которомъ утопала эта французская барыня. Каждая бездѣлушка имѣла цѣнность золота. Объ убранствѣ комнатъ, роскошной мебели, различныхъ сервизахъ и говорить нечего. Всѣ обращали вниманіе на то, что у ней устроено было, кажется, три спальни, не въ дальнемъ одна отъ другой разстояніи, и хорошо понимали, что въ этихъ трехъ лабораторіяхъ выдѣлывалось ея богатство.

Такимъ образомъ Курси, прежде всего, повелъ свою атаку на Канкринна. Но здѣсь онъ былъ тоже несчастливъ, какъ и въ другихъ своихъ затѣяхъ. Канкринъ дѣйствительно часто началъ бывать у нихъ, но честная по природѣ м-ше Курси никакъ не хотѣла броситься въ ту пропасть, куда такъ усердно подталкивалъ ее ея милый супругъ. Изъ этого выходили различныя между ними сцены, и мы съ женой невольно дѣлались судьями и разбирателями ихъ, сочувствуя, конечно, молодой женщинѣ, отбивавшейся всѣми силами отъ гибели и позора. Кромѣ Канкринна, Курси приводилъ къ себѣ много другихъ франтовъ, падкихъ до красоты, но дѣло рѣшительно не подвигалось впередъ и, какъ ни урезонивалъ Курси жену свою, она не хотѣла встрѣчать этихъ господъ иначе, какъ съ ребенкомъ на рукахъ.

Положеніе Курси становилось отчаяннымъ. Въ сильные морозы онъ бѣгалъ въ лѣтнемъ пальто. Изъ нѣсколькихъ комнатъ, составлявшихъ его квартиру, отапливалась только одна; остальные приняи видъ погребовъ и приводили въ отчаяніе домоваго хозяина, который гналъ бѣднаго Курси изъ своего дома всѣми силами. Въ этомъ положеніи онъ рѣшился одинъ ѣхать за-границу, а жену съ ребенкомъ оставить здѣсь. Онъ говорилъ о какихъ-то видахъ и цѣляхъ, которые эта поѣздка должна осуществить; но, привыкнувъ къ постоянной его болтовнѣ, постоянно испещренной какими-нибудь проектами, я уже не обращалъ на нее никакого вниманія и думалъ про себя, что онъ просто бѣжить отъ долговъ и отъ семьи, которую прокормить не можетъ. Оно такъ и вышло. Бѣдная м-ше Курси сначала получила отъ него нѣсколько писемъ съ требованіемъ денегъ и показывала со слезами намъ эти письма, не постигая, на ка-

кія деньги могъ разсчитывать ея мужъ, оставившій ее рѣшительно безъ ничего. Потомъ письма прекратились, и самъ онъ, несмотря на то, что назначенный имъ самимъ срокъ возвращенія давно прошелъ, не появлялся. Рѣшительная и въ то же время честная м-ше Курси занимаетъ гдѣ-то денегъ, пристраиваетъ куда-то ребенка, беретъ на руки маленькую собаченку и отправляется за-границу отыскивать своего пропавшаго мужа, котораго дѣйствительно и привозитъ въ Петербургъ, но не на пользу и не на долго. Скоро онъ опять скрылся за-границу и едва-ли не тихомолкомъ, оставивъ снова жену и ребенка на произволь судьбы. М-ше Курси видѣла, что ей рѣшительно ничего не остается, какъ избрать извѣстный путь. Къ тому же она влюбилась въ молодаго князя Суворова, сына того Суворова, который былъ потомъ с. - петербургскимъ генераль-губернаторомъ, юношу блестящей красоты, но величайшаго похвѣсу и мота, съ которымъ потомъ судьба близко свела меня на Кавказѣ.

Въ началѣ ихъ связи Суворовъ съ своимъ полкомъ перешелъ въ Варшаву, куда и м-ше Курси часто ѣздила къ нему. Въ одну изъ этихъ поѣздокъ съ ней случилось замѣчательное происшествіе. Однажды, ночью, почтовый дилижансъ былъ остановленъ горцами, служившими въ Варшавѣ и по какому-то случаю бѣжавшими оттуда. Пассажиры были перерѣзаны. М-ше Курси, разумѣется, ожидала та же участь; но она спаслась чудомъ. Когда одинъ изъ этихъ горцевъ приказалъ ей выйти изъ дилижанса, она, вылѣзая оттуда, накинула ему на голову пледъ, которымъ она покрывала ноги. Пока разбойникъ выпутывался изъ него, она успѣла броситься въ лежащую подлѣ шоссе канаву съ водою и притаилась въ ней. Темнота ночи и поспѣшность, съ которою разбойники грабили дилижансъ, были причиною, что на ея отсутствіе не обратили вниманія. Когда грабители удалились, м-ше Курси, при появленіи на шоссе первыхъ проѣзжающихъ, вышла изъ своего мокраго убѣжища и вмѣстѣ съ ними добралась до Варшавы, гдѣ, по ея словамъ, въ теченіе многихъ дней, она была предметомъ общаго вниманія и участія. Связь ея съ княземъ Суворовымъ продолжалась не долго, что и не было нисколько удивительно: вѣтренный и неосновательный во всемъ, Суворовъ не былъ способенъ ни къ какому прочному чувству, точно такъ же, какъ не былъ никогда способенъ ни къ какому солидному

дѣлу. Отъ него м-ше Курси переходила въ другія руки до тѣхъ поръ, пока не пристроилась при князѣ Салтыковѣ. Лошадникъ и мотъ, онъ заполоненъ былъ м-ше Курси до такой степени, что ходили слухи о его женитьбѣ на ней. Во всякомъ случаѣ эта послѣдняя связь была чрезвычайно продолжительна, и я уже не слыхалъ, чтобы она порвалась.

Другимъ предметомъ моихъ частныхъ занятій въ этомъ печальномъ для меня періодѣ было устройство такъ называемой «Южной желѣзной дороги». Въ то время вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ былъ, такъ сказать, моднымъ вопросомъ, и журналистика наша кипѣла спорами о преимуществахъ того или другаго направленія. Въ разгарѣ этихъ споровъ является князь Сергѣй Кочубей съ идеею устройства желѣзной дороги отъ Харькова до Θεодосіи. Идеа эта была доведена до свѣдѣнія государя и также получила полнѣйшее его одобреніе. Этого мало. Извѣстно было, что князю Воронцову не нравилось это направленіе, и онъ предпочиталъ вести дорогу отъ Харькова къ любимой имъ Одессѣ. Я уже не помню, по какому случаю, кажется, вслѣдствіе различныхъ распоряженій по восточной войнѣ, государь ѣздилъ куда-то и, между прочимъ, долженъ былъ видѣться съ княземъ Воронцовымъ. Намъ сдѣлалось извѣстнымъ, что на какомъ-то переѣздѣ, когда Воронцовъ долженъ былъ сопровождать государя, ѣхавшаго на пароходѣ, между ними шла продолжительная и упорная бесѣда о Южной желѣзной дорогѣ и ея направленіи. Государь, возвратившись въ Петербургъ, хвалился нѣкоторымъ царедворцамъ, что ему удалось «уломать старика Воронцова» и согласить его, чтобы дорога шла не на Одессу, а на Θεодосію. Такимъ образомъ, очевидно было, что государь не только одобрялъ проектъ князя Кочубея, но и становился жаркимъ его защитникомъ. Между тѣмъ и это дѣло имѣло конецъ довольно печальный и вовсе не соответственный его блестящему началу. Но не буду забѣгать впередъ.

Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ, что государь одобряетъ это предположеніе, князь Сергѣй Кочубей мгновенно образовалъ комитетъ учредителей, набравъ туда людей, большею частію, старыхъ и ограниченныхъ. Демьянъ Кочубей, бывшій членомъ Государственнаго Совѣта, былъ чѣмъ-то въ родѣ предсѣдателя этого комитета.